

УДК 821.161.1-1
ББК 84(2Рос=Рус)6-5
Т26

Серийное оформление
и дизайн обложки *А. Фереца*

Рисунок на обложке *И. Савченкова*

Твардовский, Александр Трифонович.
Т26 Василий Тёркин. Стихотворения / А. Т. Твардовский. — Москва : Издательство АСТ, 2020. — 256 с.

ISBN 978-5-17-119526-7 (Классика для школьников)

ISBN 978-5-17-119519-9 (Школьное чтение)

Александр Трифонович Твардовский (1910–1971) — русский писатель, поэт и прозаик, лауреат государственных премий, обладатель многих орденов и наград.

В творчестве поэта отразились сложные, переломные моменты в истории страны и жизни народа. Всю Великую Отечественную войну Твардовский работал военным корреспондентом, пройдя с действующей армией от Москвы до Кёнигсберга.

Лиро-эпическая поэма «Василий Тёркин» (1941–1945) — самое известное произведение Твардовского. «Книга про бойца», как называл её сам автор, описывает события фронтовой жизни, мысли и чувства человека на войне.

Поэма пользовалась необыкновенной популярностью на фронте и принесла автору подлинную славу.

В книгу вошли также стихотворения разных лет.

УДК 821.161.1-1

ББК 84(2Рос=Рус)6-5

© Твардовский А.Т., насл., 2019
© Ил. на обл. Савченков И. Ю., 2019
© ООО «Издательство АСТ», 2019

РОДНОЕ

Дорог израненные спины,
Тягучий запах конопли...
Передо мной знакомые картины
И тихий вид родной земли...

Я вижу — в сумерках осенних
Приютом манят огоньки.
Иду в затихнувшие сени,
Где пахнет залежью пеньки.

На стенке с радостью заметить
Люблю приклеенный портрет.
И кажется, что тихо светит
В избе какой-то новый свет.

Еще с надворья тянет летом,
Еще не стихнул страданный шум...
Пришла «Крестьянская газета»,
Как ворох мужиковских дум.

А проскрипит последним возом
Уборка хлеба на полях —
И осень закует морозом
В деревне трудовой размах.

Придет зима. Под шум метелей
В читальне, в радостном тепле,
Доклад продуманный застелет
Старинку темную в селе...

А за столом под шум газетный
Улыбки вспыхнут в бородах,
Прочтя о разностях на свете,
О дальних шумных городах.

1926

МАТЕРИ

Я помню осиновый хутор
И детство — разбегом коня...
Я помню, ты каждое утро
Корову пасла за меня.

Покуда я спал, улыбаясь,
С сухим армяком в головах,
Ты — тихая и простая —
Корову кормила в кустах...

Ногами росу обсыпала,
Сбирала грибы на заре...
А с солнышком все просыпалось
На вызолоченном дворе.
И шел я на позднюю смену,
Спешила ты печь затоплять...
И пахло подкошенным сеном,
И тихо дымились поля.

1927

* * *

Кружились белые березки,
Платки, гармонь и огоньки.
И пели девочки-подростки
На берегу своей реки.

И только я здесь был не дома,
Я песню узнавал едва.
Звучали как-то по-иному
Совсем знакомые слова.

Гармонь играла с перебором,
Ходил по кругу хоровод,
А по реке в огнях, как город,
Бежал красавец пароход.

Веселый и разнообразный,
По всей реке, по всей стране
Один большой справлялся праздник,
И петь о нем хотелось мне.

Петь, что от края и до края,
Во все концы, во все края,
Ты вся моя и вся родная,
Большая родина моя.

1936

МАТЬ И СЫН

На родного сына
Молча смотрит мать.
Что бы ей такое
Сыну пожелать?

Пожелать бы счастья —
Да ведь счастлив он.
Пожелать здоровья —
Молод и силен.

Попросить, чтоб дольше
Погостил в дому, —
Человек военный,
Некогда ему.

Попросить, чтоб только
Мать не забывал, —
Но ведь он ей письма
С полюса писал.

Чтоб не простудиться,
Дать ему совет?
Да и так уж больно
Сын тепло одет.

Указать невесту —
Где уж! Сам найдет.
Что бы ни сказала —
Ясно наперед.

На родного сына
Молча смотрит мать.
Нечего как будто
Пожелать, сказать.

Верит — не напрасно
Сын летать учен.
Как ему беречься, —
Лучше знает он.

Дело, что полегче,
Не ему под стать.
Матери, да чтобы
Этого не знать!

Он летал далеко,
Дальше полетит.
Трудно — перетерпит.
Больно — промолчит.

А с врагом придется
Встретиться в бою —
Не отдаст он даром
Голову свою.

Матери — да чтобы
Этого не знать...
На родного сына
Молча смотрит мать.

1937

* * *

Велика страна родная,
Так раскинулась она,
Что и впрямь — война иная
Для нее как не война.

Но в любой глухой краине,
Но в любой душе родной
Столько связано отныне
С этой, может, не войной.

Пусть прибитый той зимою
След ее травой порос,
И прибой залива моет
Корни сосен и берез,

Пусть в тот край вернулись птицы,
И пришло зверье в леса,
И за старую границей
День обычный начался, —
Там...

Там, в боях полубезвестных,
В сосняке болот глухих,
Смертью храбрых, смертью честных
Пали многие из них.

1941

* * *

Пускай до последнего часа расплаты,
До дня торжества — недалекого дня —
И мне не дожить, как и многим ребятам,
Что были нисколько не хуже меня.

Я долю свою по-солдатски приемлю,
Ведь если бы смерть выбирать нам,
друзья,
То лучше, чем смерть за родимую землю,
И выбрать нельзя.

1941

РАССКАЗ ТАНКИСТА

Был трудный бой. Все нынче, как спросонку,
И только не могу себе простить:
Из тысяч лиц узнал бы я мальчонку,
А как зовут, забыл его спросить.

Лет десяти-двенадцати. Бедовый,
Из тех, что главарями у детей,
Из тех, что в городишках прифронтовых
Встречают нас, как дорогих гостей,

Машину обступают на стоянках,
Таскать им воду ведрами — не труд,
Приносят мыло с полотенцем к танку
И сливы незрелые суют...

Шел бой за улицу. Огонь врага был страшен,
Мы прорывались к площади вперед.
А он гвоздит — не выглянуть из башен, —
И черт его поймет, откуда бьет.

Тут угадай-ка, за каким домишкой
Он примостился, — столько всяких дыр,
И вдруг к машине подбежал парнишка:
— Товарищ командир, товарищ командир!

Я знаю, где их пушка. Я разведал...
Я подползал, они вон там, в саду...
— Да где же, где?.. — А дайте я поеду
На танке с вами. Прямо приведу.

Что ж, бой не ждет. — Влезай сюда, дружище!
И вот мы катим к месту вчетвером.

Стоит парнишка — мины, пули свищут,
И только рубашонка пузырем.

Подъехали. — Вот здесь. — И с разворота
Заходим в тыл, и полный газ даем.

И эту пушку, заодно с расчетом,
Мы вмяли в рыхлый, жирный чернозем.

Я вытер пот. Душила гарь и копоть:
От дома к дому шел большой пожар.
И, помню, я сказал: — Спасибо, хлопец! —
И руку, как товарищу, пожал...

Был трудный бой. Все нынче, как спросонку.
И только не могу себе простить:
Из тысяч лиц узнал бы я мальчонку,
Но как зовут, забыл его спросить.

1941

* * *

Отцов и прадедов примета, —
Как будто оправдалась она:
Таких хлебов, такого лета
Не год, не два ждала война.
Как частый бор, колосовые
Шумели глухо над землей.
Не пешеходы — верховые
Во ржи скрывались с головой.
И были так густы и строги
Хлеба, подавшись грудь на грудь,
Что, по пословице, с дороги
Ужу, казалось, не свернуть.

И хлеба хлеб казался гуще,
И было так, что год хлебов
Был годом клубней, землю рвущих,
И годом трав в лугах и пуцах,
И годом ягод и грибов.
Как будто все, что в почве было, —
Ее добро, ее тепло —
С великой щедростью и силой
Ростки наружу выносило,
В листву, в ботву и колос шло.
В свой полный цвет входило лето,
Земля ломилась, всем полна...
Отцов и прадедов примета, —
Как будто справдилась она:
Гром грянул — началась война...

1942

У СЛАВНОЙ МОГИЛЫ

Нам памятна каждая пядь
И каждая наша примета
Земли, где пришлось отступить
В пыли сорок первого лета.

Но эта опушка борка
Особою памятью свята:
Мы здесь командира полка
В бою хоронили когда-то.

Мы здесь для героя отца,
Меняясь по двое, спешили

Готовый окопчик бойца
Устроить поглубже, пошире.

В бою — как в бою. Под огнем
Копали, лопатой саперной
В песке рассекая с трудом
Сосновые желтые корни.

И в желтой могиле на дне
Мы хвои зеленой постлали,
Чтоб спал он, как спят на войне
В лесу на коротком привале.

Прости, оставайся, родной!..
И целых и долгих два года
Под этой смоленской сосной
Своих ожидал ты с восхода.

И ты не посетуй на нас,
Что мы твоей славной могиле
И в этот, и в радостный час
Не много минут посвятили.

Торжествен, но краток и строг
Салют наш и воинский рапорт.
Тогда мы ушли на восток,
Теперь мы уходим на запад.

Над этой могилой скорбя,
Склоняем мы с гордостью знамя:
Тогда оставляли тебя,
А нынче, родимый, ты с нами.

1943

* * *

В пилотке мальчик босоногий
С худым заплечным узелком
Привал устроил на дороге,
Чтоб закусить сухим пайком.

Горбушка хлеба, две картошки —
Всему суровый вес и счет.
И, как большой, с ладони крошки
С великой бережностью — в рот.

Стремглав попутные машины
Пронесут пыльные борта.
Глядит, задумался мужчина.
— Сынок, должно быть, сирота?

И на лице, в глазах, похоже, —
Досады давнишняя тень.
Любой и каждый все про то же,
И как им спрашивать не лень.

В лицо тебе серьезно глядя,
Еще он медлит рот открыть.
— Ну, сирота. — И тотчас: — Дядя,
Ты лучше дал бы докурить.

1943

* * *

В поле, ручьями изрытом,
И на чужой стороне
Тем же родным, незабытым
Пахнет земля по весне: